

Жак-Ален Миллер

«Все безумны»

AMP 2024

30 марта 2023

Я посвящаю этот доклад Анджелине Харари, которая в качестве президента в течение четырех лет руководила жизнью Всемирной ассоциации психоанализа (AMP) то твердой, то нежной рукой, но всегда уместно.

В очередной раз мне нужно дать название конгрессу Всемирной Ассоциации психоанализа AMP*. «Почему это так?» — спросите вы. Привычка укоренилась, стала своего рода традицией — внимание! Так будет не всегда. Но, надо полагать, этот момент еще не наступил. Стало быть, я продолжаю. Наш следующий конгресс будет называться: «Все безумны» [\[1\]](#).

Контекст

Это афоризм Лакана, как и название сегодняшнего конгресса «Женщины не существует». Я выудил его из крошечного письма, составленного Лаканом по моей просьбе. Тогда речь шла о защите Отделения психоанализа Венсена, существование которого в университете Париж VIII оказалось под угрозой. Впрочем, угроза все еще есть, она нависает над ним каждый год — как по конъюнктурным, так и по структурным причинам. А все дело в том, как пишет Лакан, что психоанализ не является материей (предметом) учения [\[2\]](#). Это происходит из-за оппозиции, которую я называю структурной, между аналитическим дискурсом и университетским дискурсом: между «знанием предполагаемым», le savoir supposé, в практике психоанализа, и «излагаемым знанием», le savoir exposé, которое занимает первенствующее место в университетском дискурсе. Я не буду подробно развивать эту хорошо известную нам оппозицию.

Я взял этот афоризм из небольшого текста, написанного Лаканом, скажем так, «из загробного мира», поскольку, он идет после Семинара под названием «Момент заключения». Все, что Лакан написал или произнес после этого Семинара, имеет особый статус последствия сформированного множества его учения — я использую слово «учение», которое он также использовал, прежде чем от него отказаться. Это придает этим отрывочным заметкам ценность завещания. Лакан использовал формулировку «все безумны» всего один раз в тексте, опубликованном в тогда еще частном журнале «Ornicar ?». Благодаря тому, что я закрепил, прокомментировал, повторил, этот

афоризм вошел в наш обиход, в язык АМР — в то, что мы могли бы назвать нашей *doxa*. Он даже стал своего рода лозунгом.

В контексте того времени он был понят таким образом, который льстит современным предубеждениям, а именно демократическому требованию фундаментального равенства граждан, навязывающего себя традиционной иерархии, деконструирующему иерархию, которая регулировала отношение лица, оказывающего помощь своему пациенту. Я говорю об этом не испытывая ностальгии, поскольку Лакан предвосхитил современную идеологию всеобщего равенства говорящих существ, подчеркнув братство, которое, по его мнению, должно связывать терапевта с его пациентом. *«Человека, «освобожденного» от современного общества», — говорил он,— «мы должны приветствовать»,и, я цитирую: «снова открыть ему путь к его смыслу в дискретном братстве, в измерении которого мы всегда слишком неравны» [3].*

Депатологизация

Если речь идет о братстве, то оно уже давно перестало быть дискретным, незаметным, наоборот, оно громко заявляет о себе под видом абсолютного, полного равноправия говорящих существ.

В этих условиях не стоит удивляться тому, что требование равноправия переводится планомерным исчезновением клиники. Все клинические типы постепенно удаляются из большого клинического каталога, уже сокращенного и деконструированного последовательными изданиями DSM. И это происходит в то время, когда все лица, страдающие психическими расстройствами, нарушениями, тем, что когда-то считалось ненормальным, объединяются и образуют группу. Эти закрепленные юридически, зарегистрированные группы часто создаются как группы давления — вплоть до аутистов, людей, слышащих голоса и т.д. Все говорит о том, что клиника скоро уйдет в прошлое. Мы должны привести нашу практику в соответствие с этой новой эпохой, без ностальгии, без горечи, без реванша.

В таком контексте лакановский афоризм не может быть истолкован иначе, как принятие и валидация широко используемого сегодня термина (он неоднократно звучал на наших заседаниях): *депатологизация*. Патологий больше не будет. Будут и уже есть на этом месте свободно выбранные стили жизни — неотъемлемая свобода, потому что это свобода субъектов права. Если можно так сказать, *право (прямая) берет верх над ненормальным (кривой) [4].*

Фрейд говорил о замене принципа удовольствия принципом реальности. Мы являемся свидетелями замены клинического принципа юридическим, который уподобляется наивысшему, отныне порицаемому демократическими режимами. Последствия уже ощутимы. В качестве единственного недавнего примера можно привести принятый в этом году французским парламентом закон. Он предусматривает, что любая оговорка, умолчание, уклонение по поводу сделанного по просьбе субъекта — субъекта права — изменения гендера, отныне будут считаться правонарушением. Потребовалось вмешательство инстанций Школы Фрейдовой Причины, чтобы Национальное собрание и Сенат ратифицировали две поправки, устанавливающие исключение для терапевтов — при условии, что их замечания не идут вопреки, побуждают к размышлению и не противоречат доброжелательности и уважению, которые настоятельно необходимы перед лицом того, что я назвал «свободным выбором своего стиля жизни». Французский политик даже сейчас предлагает внести изменение пола в Конституцию Франции и признать его основным правом человека, которым до сих пор пренебрегали.

В этих условиях афоризм Лакана, сформулированный в 1978 году, понимается как идеально соответствующий *Zeitgeist*, духу времени. Тем не менее, если размышлять в таком ключе, было бы

лучше сказать: «все нормальны».

Двойной парадокс

Высказывание «все безумны», дополненное в тексте Лакана «то есть бредают», идет не без скрипа. Действительно, вменение безумия и бреда все еще находится в ведении клиники. Кажется, что это подтверждает конец клиники, но в терминах, которые принадлежат клинике. Но это не единственный парадокс, вносимый этим афоризмом. В самом деле, кто говорит, что *все безумны*? Это может быть только безумный. Следовательно, его слова — бред. В качестве всеобщего суждения, оно представляет собой точную копию, кальку высказывания Эпименида, выраженного в единственном числе через Я, а именно: «Я лгу». Этот двойной парадокс может вызвать подозрение, что в рассматриваемом афоризме есть нечто большее и, возможно, нечто иное, чем подтверждение упомянутой депатологизации.

Я признаю, что, распространяя этот афоризм, вырывая его из канонического контекста, возвышая или низводя его до уровня лозунга — о, как эффективно! — я, несомненно, способствовал возникновению недоразумения, которое важно исправить, когда придет время сделать его темой нашего следующего конгресса. Нет ничего проще: достаточно просто восстановить это в контексте того краткого письма, из которого я его извлек, — к чему я собираюсь сделать в неизбежно сокращенной форме, требуемой функцией завершения, определяющей здесь мои обязанности.

Диалектика для клиники

Прежде чем приступить к этой работе по реконтекстуализации, я в кратком экскурсе намечу, как можно было бы *спасти клинику*, несмотря на любую депатологизацию. Было бы достаточно прибегнуть к диалектике монсеньора Дюпанлу, доработанной для того, чтобы успокоить пыл тех, кто в церкви восставал против запретов, касающихся прогресса, либерализма и современной цивилизации, сформулированных в *Силлабусе* папы Пия IX. Хитрый епископ, представитель либерального течения, проводит различие между двумя уровнями: тем, который он называет тезисом, где принцип утверждается как абсолютный; затем, снизу, он вписывает гипотезу (в смысле того, что находится под тезисом), где торжествует относительное. Принцип, хотя и абсолютный на своем уровне, позволяет раскрыться пространству модуляций, хотя и подчиненных, но где учитываются обстоятельства, что целесообразно, а что нет, потребности оперативности и т.д. Таким образом, абсолютное и относительное, отнюдь не противоречат друг другу, могут сосуществовать, как добрые соседи, при условии установления между этими двумя терминами иерархии.

Используя эту диалектику, тезис как абсолютный означал бы исчезновение всякой патологии и постклинический эгалитаризм. Однако в интересах общества, чтобы избежать беспорядка и даже разрушения, которые неизбежно повлекут за собой слепое применение абсолютного принципа, мы сохраним различия клиники на подчиненном уровне гипотезы. Должен отметить, что это позволило бы примирить точку зрения моих коллег Доминик Лоран и Франсуа Легиля [5] с моей собственной — тезис для меня, гипотеза для них.

Чему не научиться

Моей первой ремаркой или исправлением после этого экскурса станет самая элементарная: я ограничусь акцентом на фразе, которая следует сразу после этого выражения: «Все безумны, то есть бредают». Эта фраза такова: «Это действительно то, что показывает первый шаг к учению» [6]. Здесь это не просто указание на депатологизацию, но и на падение, упадок, а почему бы и не на

деконструкцию того, что такое учение, — это может показаться удивительным со стороны субъекта, который долгое время занимал позицию учителя и который сам говорил о своем учении.

В самом деле, что, по мнению Лакана — самого последнего Лакана, за-Лаканом — доказываемым таким образом, если не то, что учить — это безумие, что учение — это бред? Таким образом, рассматриваемый афоризм вписывается в кадр жесткой критики функции учения. Эта жестокая критика — и, добавлю я, чисто клиническая — обрамляет афоризм «*Все безумны, то есть бредят*». Перечитывая вышесказанное в тексте, мы видим, что с самого начала речь идет о критике не клиники, а любого учения. Теперь мы услышим лозунг, гласящий: «*Нужно быть безумным, чтобы учить, тот, кто учит бредит*». На первый взгляд, Лакана беспокоит, по-видимому, структура любого учения.

Любопытный способ защитить кафедру психоанализа, которую он поощрял и существование которой он всегда поддерживал, — обесценить учение, и особенно учение психоанализа, и написать, что *аналитический дискурс не является предметом учения*. И почему это не так? Каковы приводимые Лаканом основания для разрешения проблемы функции учения таким образом?

Во-первых, аналитический дискурс, в отличие от трех других, сконструированных им, *ничему не учит*, потому что, как утверждает Лакан, *он исключает доминирование*. Это не дискурс господина, который, по преимуществу, является дискурсом доминирования, поскольку он устанавливается неоспоримостью господского означающего. Дискурс господина учит тому, что такое знание, то есть знание всегда является крепостным господского означающего — это не опровергается условиями зарождения университета, которые можно приблизительно отнести к Карлу Великому. Это не более чем университетский дискурс, который помещает на доминирующее место знание, что позволяет и даже требует учение. Университетский дискурс — это, по преимуществу, дискурс учения. Наконец, дискурс истерика превращает субъекта в господина господина; он доминирует над доминирующим и тем самым заставляет его работать, производить знание. Это не крепостное знание господина, не говоря уже о знании-господина, это дискурс, побуждающий к изобретению знания, поэтому Лакан подчеркивает структурную близость дискурса истерика к дискурсу науки.

В аналитическом дискурсе также есть место доминирования — вверху слева в схемах Лакана, для тех, кто с ними знаком. Однако это место занимает элемент, созданный не для того, чтобы доминировать, повелевать, подчинять, а для того, чтобы вызывать желание: то, что Лакан называет объектом *a*. Я говорю, что объект *a* — причина желания, тогда как именно желание не позволяет доминировать над собой, не поддается никаким приказам, обыгрывая и играясь с ними.

Где знание в этом дискурсе? Оно находится в положении только предполагаемого, а не явного, как в университетском дискурсе. Будучи всегда только предполагаемым, именно как *под-полагаемое* оно поддерживает инстанцию причины желания, кажимость, которая создается аналитиком. Здесь нет учения, что при случае не мешает появлению возможности обучения себя, но речь идет о знании, не имеющем ценности учения, без порядка, последовательности или системы, — знании, основанном на случайных встречах, без закона. Таким образом, аналитический дискурс не доминирует. И в частности, он не доминирует над своим субъектом — услышьте, как вам будет угодно.

Вторая причина, на которую ссылается Лакан, чтобы отказать аналитическому дискурсу в способности быть материей (предметом) учения: *в нем нет ничего всеобщего*. Действительно, он отнюдь не *для всех*. Он, если я могу так сказать, для одного, для *Одного-совершенно-одного*. Только для него интерпретация может создать знания, которые исчезают, как только вы

претендуете на то, чтобы универсализировать их, чтобы сделать его годным для всех. Так что постарайтесь объяснить широкой аудитории сенсационный эффект интерпретации: это лишь вскроет ее банальный, а то и спорный характер.

Я использую здесь модуляцию. Лакан не говорит, что психоанализ не может быть материей (предметом) учения, но что аналитический дискурс не может быть материей (предметом) учения, то есть *grosso modo*, грубо говоря, практикой психоанализа. Более того, в стороне остаются теории психоанализа, его история и дебаты, которые он вызвал и его вклад. При понимании этого распределения, этого разделения между практикой и теорией психоанализа, не происходит здесь никакого неодобрения Отделения психоанализа, присутствия психоанализа в университете. Напротив, существует ограничение, которое открывает и освобождает поле: психоаналитической практике не научиться; в лучшем случае, она время от времени супервизируется, каждый раз это сингулярный случай, который нельзя отнести к всеобщему, но который можно возвести, когда он подходит для этого, в достоинство парадигмы.

Таким образом, речь идет о предостережении Лакана своим ученикам. Знайте и примите, что ничто из того, чему вас будут учить (по) психоанализу в университете, не позволит вам сэкономить на психоанализе. Вам придется, как следует из вступительной части «*Écrits*», вложить в него свои средства [7], заплатить своей личностью и сделать это как некто совершенно иной, нежели как ученик, а именно – как анализант.

От невозможному к необходимому

Остальную часть моей заключительной речи, которая является скорее вступлением, я выстраиваю, зацепляясь за этот текст Лакана, и прежде всего за фразу, которую я поместил на обложке его небольших текстов, объединенных в сборнике под названием «Парадоксы». Именно с третьего из парадоксов этого текста начинается второй абзац: «*Как учить тому, чему не научиться?*».

Это не первый раз, когда Лакан преобразовывает невозможное в реальное. Допустим, здесь он идет от невозможного к необходимому. То, чему невозможно учить, как этому все же учить? Ведь хотя научить и невозможно, однако все же необходимо. Сначала необходимо провести различие между учить и учиться, то есть, используя термин Бертрانا Рассела, *стратифицировать* два термина. Есть «учить», взятое со стороны невозможного, и «учить» со стороны необходимого. От одного к другому, определенно, это проблематично.

Этот переход не для всех. Лакан подразумевает, что это касается не *всех*, а *одного*, а именно Фрейда. Потому что следующая фраза уже обращается к нему: «*Вот это то, к чему продвинулся Фрейд*». Здесь есть привилегия: Фрейд, первый и долгое время, занимался учением тому, чему не научиться, а именно практике психоанализа. И он сделал это, заплатив своей личностью. В «*Traumdeutung*» он предоставляет множество своих сновидений и никогда не пасует перед тем, чтобы зачерпнуть из своих образований бессознательного, чтобы продвинуть психоанализ. Однако то, что верно для него, не годится для всех.

Но я бы сказал, что это относится и к Лакану. Не может быть, чтобы он не думал о себе. Однако он этого не говорит. Пожалуй, это единственный случай, когда он проявляет скромность, потому что не был к ней склонен. Принимая во внимание, что Лакан был реформатором аналитической практики, это, безусловно, относится и к нему, хотя он защищал себя, говоря, что черты, отличающие его практику, применимы только к нему самому. Имитировать его или нет — это ответственность каждого. Тем не менее, однажды он выдвинул доктрину о вариативной продолжительности сеанса, но не о его краткости. Здесь можно было бы многое сказать, чего я

сейчас делать не буду, так как собираюсь разделаться со следующим предложением, в котором фигурирует наш афоризм.

Ничего кроме сновидения

Вот оно: «Фрейд считал, что нет ничего кроме сновидения, и что весь мир» (если можно использовать такое выражение) — действительно, это всеобщее, вопреки тому, что он утверждал прежде,— «все безумны, то есть бредят». Тезисы, сконцентрированные в этом предложении, касаются одновременно сновидения, безумия и бреда. Их необходимо раскрыть. Следует отметить, что Лакан приписывает их Фрейду. Поэтому, прежде всего, я обращусь к работам Фрейда, чтобы прояснить это высказывание, которое ставит на карту всю метапсихологию и всю клинику.

Стоит отметить, что не только сеансы Лакана коротки или даже ультракоротки. Его писания всегда находятся в состоянии напряжения, в непрестанно подвижном напряжении — иногда он ходит вокруг да около, ассоциирует, предается увеселениям, иногда его дискурс внезапно сжимается и выпускает безжалостную, пронзающую насквозь молниеносную стрелу. Так обстоит дело и с этим высказыванием — за исключением того, что в этом кратком отрывке все сжато, сведено к кости.

Начнем с предложения о том, что «нет ничего кроме сна». От этой фразы захватывает дух. Интересно, мог ли Лакан это написать, когда в одном из Семинаров он ссылается на знаменитое название пьесы Кальдерона «Жизнь есть сон», чтобы опровергнуть содержащийся в нем тезис и признать его недействительным по отношению к аналитическому дискурсу. Если все есть сон, то как быть с Реальным? Должны ли мы прийти к выводу: нет ничего Реального (Реального в понимании Лакана). Является ли Реальное лишь иллюзией, фикцией, даже бредом? В конце концов, почему бы и нет?

Здесь нам вспоминаются высказывания Лакана, которые всегда считались весьма загадочными. В первом уроке французского издания семинара «Синтом» Лакан указывает на гомогенность Воображаемого и Реального, которая, по его словам, основана на двоичной системе исчисления, прежде чем перейти к теории Кантора, которую мы обнаруживаем в продолжении этого текста, композицию которого я тщательно анализирую. Это, безусловно, перекликается с тем, что говорится в формулировке «ничего кроме сна». Гомогенность Воображаемое — Реальное дополняется тем обозначением, которое символ накладывает на Воображаемое [8]. Все происходит так, как с точки зрения упоминаемой им математики, в частности, теории множеств, Реальное, как и Символическое, поглощается Воображаемым.

Разве это не нужно для того, чтобы построить утверждение «ничего кроме сна»? Это превосходство Воображаемого является *непременным* условием для утверждения «ничего кроме сна». Лакан начал то, что следует называть его учением, с подчеркивания преобладания Воображаемого, например, в «Стадии зеркала...». Не будет ли это также Воображаемым, которое Лакан будет продвигать в конце траектории своего дискурса? Это не позволило бы удовлетворить ум, испытывающий любовь к дискурсу, который замыкается на себе самом. Однако я оставляю эту тему открытой, используя вопросительный стиль и условное наклонение.

Изобретение Реального

В продолжение этой темы, второе замечание Лакана появляется в уроке IX того же Семинара. Здесь он сам указывает на свой разрыв с Фрейдом. Он говорит: «Инстанция знания, которую Фрейд реконструирует в форме бессознательного, вовсе не обязательно предполагает Реальное, которое я использую» [9]. Из этого я делаю вывод, что, согласно Лакану, фрейдовская теория

бессознательного не предполагает Реального и что она может быть поддержана без Реального.

Реальное, задействованное в аналитическом дискурсе, является его изобретением, это — указывает Лакан — его реакция на фрейдовскую артикуляцию бессознательного: он реагирует на нее, изобретая Реальное. Лакан заходит так далеко, что сводит Реальное не более, чем к его симптоматическому ответу [10] на фрейдовское бессознательное. Это значит лишить термин всякой претензии на всеобщность, свести его к симптому Одного-совершенно-одного. Здесь можно многое сказать, но я буду краток.

Вернемся к идее о том, что теория Фрейда не предполагает Реального. Да, несомненно, но она формулирует, что действует нечто, позволяющее субъекту различать — скажем, не вдаваясь в подробности, — сновидение или галлюцинацию, с одной стороны, и реальность, с другой.

Замена без отмены

Фрейд значительно изменял статус этого аппарата, этого устройства, которое он называл *Realitätsprüfung*, испытание реальности, как его перевели. Продвигать, как это делает Лакан, что нет ничего кроме сна, значит игнорировать испытание реальности и отсечь из теории Фрейда термин, который, тем не менее, кажется важным и считается таковым психоаналитиками.

Что за наглость — свести к ничто испытание реальности и, более того, вменить это в вину Фрейду! Однако теория Фрейда не настолько невразумительна, чтобы не суметь различить в его творчестве, что мы оставляем, а что отклоняем в этом вопросе. В творчестве Фрейда есть место для выбора — это не регулярный французский парк, посаженный Лаканом, а, наоборот, джунгли. Лакан предпочитает подчеркнуть у Фрейда то, что делает относительным, даже делает иллюзорным само понятие испытания реальности. Это интересный вопрос для аналитика, но я могу рассмотреть его здесь лишь вкратце.

Именно поэтому я сразу же обращаюсь к короткому и магистральному тексту Фрейда под названием «Положение о двух принципах психической деятельности» — или душевной, согласно переводу 1911 года, — оставив в стороне два предшествующих ему текста: первый — в «Проекте научной психологии» 1895 года, второй — в знаменитой главе VII «*Traumdeutung*». Я также оставляю в стороне написанный тремя годами позже текст по метапсихологии сновидений, где он формулирует — я полагаю, впервые, как отмечает Джеймс Стрэчи, восхитительный переводчик всех работ Фрейда на английский язык, — что Я является местом испытания реальности (он также отмечает это в своей работе о *Verneinung*). Термин «испытание реальности» Фрейд впервые ввел в «Положении о двух принципах...», но именно для того, чтобы сразу отметить, что бессознательные процессы насмеются над испытанием реальности, что они непроницаемы для ее воздействия.

Во-первых, текст направлен на формулирование отношения между принципом удовольствия и принципом реальности. Мы сосредоточимся на тезисе Фрейда о том, что решающим событием в психическом развитии является *Einsetzung*, установление принципа реальности, который представляет собой прогресс первостепенной важности: принцип реальности заменяет то, что доставляло удовольствие и к чему было стремление в рамках принципа удовольствия, а именно *Lustgewinn*, выигрыш удовольствия, прибавочное наслаждение. Здесь мы испытываем удовлетворение от того, что вновь обнаружили одну из самых традиционных схем, согласно которой взросление, достижение зрелости подразумевает отказ от удовольствия, чтобы противостоять суровой реальности. Хватит смеяться!

Однако, как уже отмечалось, бессознательное не знает испытания реальности.

К этому добавляется ключевое замечание Фрейда, которое уточняет или даже противоречит идее прямой замены второго принципа первым. Сам Фрейд уточняет свое высказывание: было бы неверно думать, что замена принципа реальности на принцип удовольствия подразумевает свержение, аннулирование, низложение (*Absetzung* по-немецки). *Фактически* — и именно так я перевожу слово «реальность», *Wirklichkeit* — эта замена позволяет защитить и сохранить принцип удовольствия.

Другими словами, пародируя известную фразу Клаузевица, замена позволяет следовать принципу удовольствия средствами принципа реальности. Речь идет о том, чтобы через принцип удовольствия, а затем через принцип реальности, получать всегда выигрыш в удовольствии, *Lustgewinn*, согласно термину, который иногда использовал Фрейд и который мы переведем выражением Лакана: «прибавочное наслаждение». И это, заимствуя формулу Лакана, оказывается невозможно отрицать с помощью принципа реальности.

Сновидение и безумие

Короче говоря, скажем, что, если мы предпочтем эту точку зрения, а не точку зрения упомянутого испытания реальности, мы продемонстрируем, что состояние сновидца неразруσιμο, что пробуждение — это только иллюзия. Проснуться означает продолжать видеть сны наяву, с открытыми глазами. В этом смысле нет *ничего кроме сновидения*. По Фрейду, бред относится к тому же классу психических явлений, что и сновидение. Это изложено в предисловии к первому изданию «*Traumdeutung*»: «сновидение является первым элементом в классе аномальных психических явлений, другими членами которого являются истерические фобии, навязчивые мысли и бред» — я хотел бы знать, почему он помещает истерические фобии и навязчивые мысли в одну главу; я еще не думал об этом.

Кроме того, в главе «*Traumdeutung*» под названием «Отношения между сновидением и душевными болезнями», Фрейд рассматривает сновидение и безумие как равные. Мы видим, как он цитирует философов в поддержку своего тезиса — как вы знаете, он не привык этого делать. Следовало бы отметить, что цитирование философов в его тексте, это бывает крайне редко. Итак, здесь он цитирует Канта: «Сумасшедший — все равно, что видящий сны наяву» — что на самом деле является фрейдовским тезисом — и затем Шопенгауэра, называющего сновидение кратковременным безумием, а безумие продолжительным сновидением.

Следует ли строго различать сновидение как универсальное явление и безумие, которое поражает лишь немногих? Здравый смысл заставил бы нас различать их, а не ставить в один класс. Однако для психоанализа характерно видеть между ними различия только в качестве, а не различия в их природе, приблизительно занимая ориентацию Клерамбо, упомянутую вчера Франсуа Легилем. Особенность психоанализа состоит в том, чтобы поместить эти феномены в непрерывную связь, в то время как стражи общей реальности должны, чтобы различать их, провести непреодолимую черту между нормальным и патологическим.

Несмотря на короткие замыкания, с которыми я должен был справиться, чтобы не затягивать чрезмерно эту заключительную речь, я считаю, что предложил ясную ориентацию для работы, которая через два года будет представлена на нашем следующем конгрессе.

* Заключительная речь на Международной виртуальной конференции AMP «Женщина не существует», произнесенная 3 апреля 2022 г. в Maison de la Mutualité в Париже и в формате

видеоконференции. Первичная публикация в журнале *La Cause du désir*, №112, ноябрь 2022, с. 48-57.

Версия подготовлена: Паскаль Фари и Ев-Миллер Роуз с Ромэн Обэ и Эрве Дамас, также при участии Арьана Дюшарма, Жана-Клода Анкладо, Натали Жорж и Сесиль Вожнаровски.

Текст не перечитан автором и опубликован с его согласия.

Перевод на русский: Полина Чижова, Елена Уразбаева, Ирина Макарова, Екатерина Седова, Алла Бибицарова, Ольга Ким.

Перечитано с французского: Рузанна Акопян.

Научный консультант: Ев Миллер-Роуз.

[1]. Lacan J., « Lacan pour Vincennes ! », *Ornicar* ?, n° 17 / 18, printemps 1979, с. 278.

[2]. *Ibid.*

[3]. Lacan J., « L'agressivité en psychanalyse », *Écrits*, Paris, Seuil, 1966, с. 124.

[4]. Эта формула, указывающая на место «droit», права (прямой), в наше время, противоположна формуле, предложенной Ж.-А. Миллером для уточнения проложенной Лаканом ориентации: « *le tordu l'emporte sur le droit* », « псих/кривая берет верх над правом/прямой», (Miller J.-A., «Notice de fil en aiguille », in Lacan J., *Le Séminaire*, livre XXIII, *Le Sinthome*, Paris, Seuil, 2005, p. 209).

[5]. Cf. Laurent D., « Le pousse-à-la-femme : de la structure à la logique » & Leguil F., « L'érotomanie dépathologisée », выступление в Grandes Assises, опубликованы в *La Cause du désir*, №112, ноябрь 2022, с.88-94 и 82-87.

[6]. Lacan J., « Lacan pour Vincennes ! », *op. cit.*

[7]. Cf. Lacan J., « Ouverture de ce recueil », *Écrits*, *op. cit.*, с. 10.

[8]. Lacan J., *Le Séminaire*, livre xxiii, *Le Sinthome*, *op. cit.*, с. 18.

[9]. Cf. *ibid.*, с. 132.

[10]. *Ibid.*